

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Литературныя замѣтки

(Гражданская война въ литературѣ. — Къ юбилею Б. К. Зайцева).

Вопросъ о «нихъ» и о «насъ», о литературѣ совѣтской и эмигрантской, упорно не сходитъ со страницъ газетъ и журналовъ и, вѣроятно, еще долго не сойдетъ.

Но, дѣйствительно ли русская литература раздвоилась, раскололась, не есть ли это только случайное — территориальное раздѣленіе? Полнаго единства вѣдь нѣтъ ни въ какой литературѣ, всюду и вездѣ существуютъ противоположныя направленія, вездѣ молодое поколѣніе отличается отъ старшаго. Вѣдь само территориально — раздѣленное существованіе эмигрантской литературы не насчитываетъ еще и десятка лѣтъ! Вѣдь если мы пишемъ по разной орфографіи, то говоримъ пока все же на одномъ языкѣ, слегка измѣнившемся или портящемся тамъ, слегка, можетъ быть, заставляющемъ въ своемъ пуризмѣ, здѣсь. Если суждено существовать нѣсколькимъ литературамъ и на русскомъ языкѣ, какъ существуютъ австрійская или ирландская литература по-английски, то это только отдаленная возможность! Кто знаетъ, суждено ли эмиграціи стать своеобразной русской Канадой, которая, живя своими особыми судьбами, сохранила только устарѣлый языкъ своей прежней метрополіи — Франціи? Прав-

да, непосредственное чувство говоритъ намъ, что единство русской литературы нарушено, но не обманчиво ли это чувство, не поддаемся ли мы нашимъ политическимъ страстямъ и отталкиваньямъ? Во всякомъ случаѣ, если и есть трещина, она еще такъ сѣжа и неглубока, что можетъ зарости, залѣчиться. Термины: литература «эмигрантская» и «совѣтская», примемъ мы только условно.

«Литературы» эти находятся сейчасъ въ рѣзкой враждѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ замерла настоящая гражданская война, воистину духъ ея наиболѣе сохранился въ литературѣ. Литературныя статьи журналовъ и газетъ накалены ненавистью больше, чѣмъ статьи политическія. Кажется, что именно литература является сейчасъ самымъ чувствительнымъ проводникомъ враждебныхъ токовъ. Литература втянута въ политику и въ ней наименѣе всего засыпанъ ровъ гражданской войны. И какъ это ни странно, но наиболѣе рѣзко воюють противъ эмигрантской литературы, эмигрантскіе же критики, стояшіе, какъ теперь любить выражаться, лицомъ къ Россіи. И наибольшіе восторги передъ литературой совѣтской приходится встрѣчать у

тѣхъ же кн. Святополкъ-Мирскаго, Туринцева, М. Слонима. Въ совѣтской Россіи официальная критика держится по отношенію къ «попутчикамъ» или враждебно, или свисока покровительственно, а неофициальные критики — формалисты заняты исторіей литературы и молчатъ о современникахъ. Право, на мѣстѣ молодыхъ русскихъ беллетристовъ я бы отправилъ депутацию къ варягамъ, за границу (и главнымъ образомъ къ кн. Святополкъ-Мирскому) съ просьбой: «земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ, приходите княжить и владѣть нами!» Вѣдь, каждому литературному теченію нужна своя критика, пѣствующая и оберегающая его ростъ, и не коммунистическимъ фельдфебелямъ по силамъ и по душѣ эта роль. Но чѣмъ нѣжнѣе, какъ заботливыя няньки, относятся заграничные критики къ совѣтской литературѣ, тѣмъ сердитѣе и недружелюбнѣе они къ писателямъ эмигрантамъ. Напрасно протестуютъ они противъ смѣшенія политики и литературы. Изъ мѣшка торчатъ политическое шило. Иногда оно спрятано искусно, иногда совѣтъ неумѣло, какъ въ статьѣ М. Слонима въ «Волѣ Россіи». «Мѣстоблюстителями Аполлоновыми» называютъ критикъ эмигрантскихъ писателей И. Бунинъ, З. Гилліусъ, съ высоты престола желающими представлять за русское искусство». Это, понятно, очень остроумно и намекъ на близость къ блюстителю русскаго престола, очень тонекъ. Но, право, если говорить о тонѣ статьи, то съ высоты престола какъ будто бы говоритъ самъ Маркъ Слонимъ. Посмотрите какъ высоко разговари-

ваетъ онъ съ Бунинымъ: «конечно, никому не возбраняется забавляться въ мѣру своей силы и разума» (это пишетъ объ Иванѣ Бунинѣ Маркъ Слонимъ). Для него Бунинъ имя крупное только «какъ ни какъ». «Литературная знать и ихъ придворная челядь»; Бунинъ — мертвый писатель» — такими цвѣтами полемики пестритъ статья. Лейтъ-мотивъ ея впрочемъ не оригиналенъ. Онъ повторяетъшибодеты Кн. Святополкъ-Мирскаго: «Бунинъ принадлежитъ къ завершенной главѣ русской литературы, она дописана, Бунинъ къ ней только приписывается». Это заимствованно у С.-Мирскаго почти дословно и вызываетъ невольное подозрѣніе: да нѣтъ ли и въ другомъ литературномъ лагерѣ мѣстоблюстителей и литературной знати, издающихъ декреты, дающихъ послушно повторяемые проли?..

Но если отбросить всѣ полемическія выходы, вродѣ того, что Бунинъ относится къ нетитулованнымъ новымъ людямъ въ литературѣ, «какъ крѣпостной баринъ къ кухаркнымъ дѣтямъ», всѣ эти эпитеты «неблагоуханный, небрежливый, прибѣгающій къ присямамъ носящимъ неблагозвучное имя» и т. д., то что же остается по существу? Остается все же та же старая пѣсня о новомъ. Гдѣ жизнь, гдѣ творчество, гдѣ будущее? Въ Россіи совѣтской! Гдѣ тѣмъ, мертвечина, медная злоба? Въ Россіи зарубежной. а эмиграціи.

Какъ видите въ гражданской войнѣ, которая происходитъ теперь на литературномъ фронтѣ дерутся «до познанаго уничтоженія противника». Когда — то А. Крайній вызвалъ протесты тѣмъ, что

назвалъ «коммунистическихъ писателей» оскорбляющими землю своимъ существованіемъ». Все-таки — существованіемъ. Увы, писатели эмигранты объявляются просто мертвыми, несуществующими. Чѣмъ не война до полного уничтоженія?

И теперь уже въ Россіи понятнѣ Леоновъ, чѣмъ Бунинъ, и Неклюдинъ, чѣмъ Шмелевъ. Трудно проверить истинность этого утвержденія, вѣдь часть эмигрантскихъ писателей изъята изъ обращенія въ Россіи, часть напротивъ перепечатывается и, повидимому, читается. Но вѣрно то, что новые писатели все — таки отражаютъ знакомый всѣмъ бытъ и вообще болѣе «свой» въ советской Россіи. Мы можемъ къ этому прибавить, что и въ эмиграціи есть большой интересъ къ новой советской литературѣ. Но, можетъ быть, это не столько литературный интересъ, сколько жажда узнать новую Россію, или, вѣрнѣе, знакомая, вѣчная, но чѣмъ то измѣненная, искаженная ея черты. Для насъ значительная часть новой русской беллетристики носить какъ бы описательный, своеобразно этнографическій характеръ. Но та любопытная, чѣмъ-то безконечно знакомая и родная и чѣмъ-то безконечно далекая и чуждая страна, которые описываютъ эти этнографы, — это Россія. Повѣрьте, что съ точки зрѣнія искусства Сейфуллина не стоитъ Муйжеля, а Романовъ только фотографъ-любитель, злоупотребляющій ретушевкой. Но у нихъ есть обиліе новыхъ наблюдений, шедрыя залежи новаго быта, пусть уродливаго и убогаго, но все же новаго. Художникъ, которому судьба дала такое богат-

ство, похожъ не на открывателя горной породы или золотоносной жилы, а на промывателя золота, которое лежитъ почти открыто и добывается безъ большого труда. Къ тому же многіе отдають это золото непромытымъ.

«У ненависти острые глаза». ... Что если какая-то неполная, искаженная, преувеличенная правда есть и у «нихъ» и у «насъ». Что если есть правда не только въ нашихъ упрекахъ «нимъ» въ грубости, въ уродствѣ и искаженіи языка, въ духовной распушенности, въ отсутствіи внутренней свободы? Что если и въ ихъ упрекахъ есть какая-то отдаленная правда? Когда критики, стоящіе «лицомъ къ Россіи» въ восторгѣ ненависти, какъ тетерева на току въ любовномъ восторгѣ, почти маниакально повторяють, спирая и склоняя слова: «мертвый», «мертвечина», — они грубо говорятъ одну очевидную истину. Эмиграція — ужасная вещь; драгоценное достояніе эмигрантовъ, свобода, покупается дорогой цѣной. Есть въ эмиграціи отсутствіе воздуха, въ ней трудно дышать. Еще труднѣе, можетъ быть, творить. Здѣсь нѣтъ кругомъ ни стихій живого быта, ни океана живого языка, питающихъ работу художника. Вѣдь эта стихія быта пужна не только реалистамъ, но и вполне далекимъ отъ реализма писателямъ. Старшіе писатели унесли съ собой въ изгнаніе огромный запасъ воспоминаній органически пережитой жизни. Новымъ, молодымъ, почти нечего вспоминать и условія для роста молодого беллетриста за границей чрезвычайно неблагоприятны. Мы не говоримъ уже объ ограниченности круга чита-

телей, объ отсутствіи резонанса, обстоятельства очень важнаго въ творчествѣ. Молодой беллетристъ Георгій Евангуловъ коснулся этого вопроса въ своемъ открытомъ письмѣ къ Антону Крайнему, упрекнувшему его въ экзотизмѣ. Онъ говоритъ, что экзотика для него — Россія, а здѣшняя жизнь — обычна и знакома. Но это не совсѣмъ такъ. Художникъ можетъ претворить жизнь только органически, будучи связанъ съ нею глубокими, неразрывными корнями. Молодому беллетристу нечѣмъ взять окружающую его жизнь, онъ въ ней не живетъ, онъ ее только видитъ. Поэтому за границей можетъ жить и развиваться музыкантъ, слушающій свою внутреннюю музыку, живописецъ, воспринимающій жизнь черезъ зрѣнье, но не поэтъ, нуждающійся въ языковой стихіи и ужъ никакъ не беллетристъ. Увы, ни у Рено, ни въ кафе Ротонда не вырастаетъ достойная смѣна старшему поколѣнію эмигрантовъ писателей.

Но чему радуются, чему злорадствуютъ эмигранты же критики, товарищи по тому же несчастью? Почему и въ ихъ устахъ слово эмигрантскій становится худой? Эмиграція не вина, а бѣда, а если вина, то вина тѣхъ, кто поработилъ Россію и русскую литературу. Неужели, чтобы стоять «лицомъ къ Россіи», нужно стать спиной и къ литературной корректности и къ свободѣ и къ нѣкоторымъ славнымъ представителямъ русскаго искусства?

Не вина, а бѣда! «Наша» бѣда въ томъ, что мы лишены родины, «ихъ» — въ томъ, что они лишены свободы. Что важнѣе, безъ чего легче обойтись, отсутствіе чего

больше уродуетъ человѣческую душу — кто скажетъ! Но злорадство слѣпыхъ надъ глухими и глухихъ надъ хромыми, право же, вещь недостойная. Вся русская литература попала въ ужасную бѣду, вся она уродливо искалѣчена, вся борется въ тискахъ. Побѣждаютъ, спасаютъ свою творческую душу только немногіе. Здѣсь въ эмиграціи создаются высокія произведенія искусства, здѣсь идетъ напряженная духовная работа. «Митина любовь», «Солнце Мертвыхъ», «Тайна Трехъ» и романы Мережковского, романы Алданова, творчество Зайцева, Ремизова, Ходасевича, право же это не такъ мало для нѣсколькихъ лѣтъ изгнанія. Съ гордостью вспомнить когда-нибудь Россія о плодахъ, выросшихъ на древъ ея литературы, пересаженномъ на каменистую почву изгнанія. Плоды эти отмѣчены духовнымъ благородствомъ, большой горечью, какъ въ вѣтрѣ, такъ и въ безвѣтріи. Но есть все же въ эмиграціи писатели, которые имѣютъ право повторить гордые и горькія слова величайшаго писателя эмигранта: «Non solis astrorumque specula ubique cospiciam? Nonne dulcissimas veritates poters speculuri ubique sub coelo?» (Ланте). (Развѣ не всюду вижу я солнце и звѣзды? И не всюду ли подъ небомъ могу я созерцать сладчайшія истины?).

А тамъ, на родинѣ?... И тамъ умерла литература. Ограбленная столькими ядами, огрубляемая и развращаемая и режимомъ, и жизнью, она полна силъ и, несмотря ни на что, борется за право быть искусствомъ. Старшее поколѣніе писателей, въ изгнаніи продолжающее творческую работу, тамъ

на родинѣ почти совсѣмъ замолкло, какъ Ахматона или Солдогоубъ. Творчески живъ и порой по прежнему восхищаетъ Алексѣй Толстой, хотя на немъ и замѣтно неблагоприятное вліяніе новыхъ литературныхъ повѣтрій. Продолжаетъ умную работу и воспитываетъ себѣ учениковъ и продолжателей, Замятинъ. Тамъ есть литературное изобиліе, главнымъ образомъ количественное, есть здоровье, грубое и примитивное, есть и чисто формальныя исканія, разработка «сказа» и т. п. Но въ цѣломъ современная «совѣтская» литература интересна только мѣстно, она глубоко провинциальна. Это уже не та литература, которая завоевала міръ. Россія перестала быть литературной великой державой, и гдѣ ужъ ей быть духовно империалистической?! Несмотря на огромный интересъ къ русской революціи и на вліятельность поклонниковъ новой Россіи на Западѣ, русскихъ авторовъ сравнительно мало переводятъ. Пока что совѣтская литература больше общается, чѣмъ выполняетъ обѣщаніе. Но поскольку есть такіе здоровые литературные всходы, мы, воздерживаясь отъ чрезмѣрной хвалы, μπορούемъ только скомпрометировать ихъ, будемъ слѣдить за ними и ждать расцвѣта.

Такое отношеніе интереса и симпатій не рѣдко въ эмиграціи; не рѣдко и отношеніе противоположное, рѣзко враждебное (то и другое нашло себѣ отраженіе на страницахъ «Современныхъ Записокъ»). Но враждебность эта объясняется не мелкой злобой. Нѣтъ! въ борьбѣ за внутреннюю свободу (увы, что бы ни говорилъ Эренбургъ, не легко достающуюся)

эмиграціи приходится быть рѣзко непримиримой, ревниво беречь чистоту ризъ отъ всякаго соприкосновенія съ «филистимлянами». Отсюда какъ средство самосохраненія рѣзкое, порой несправедливое отрицаніе всего половинчатого, мѣрцающаго, дряблага, межеумочнаго. Если какое - нибудь мѣсто организма грозитъ гангреной - нужно его отсѣчь: таковъ смыслъ рѣзкой и порой несправедливой литературной борьбы Антопа Крайняго. Остріе ея направлено не столько противъ «совѣтской» беллетристики, которую Крайній, повидимому, мало ценитъ, сколько противъ эмигрантскихъ критиковъ этой литературы, противъ ея политическаго соблазна.

Этого соблазна гораздо меньше у критиковъ - коммунистовъ. Кого могутъ соблазнить официальные изданія, въ которыхъ официальные же критики проповѣдуютъ официальные истины. Тѣмъ пріятнѣе когда мелькнетъ въ нихъ гдѣ - нибудь слабый проблескъ просто правды и нѣкотораго безпристрастія. Признаемся, что, послѣ приведенныхъ выше отзывовъ о писателяхъ эмигрантахъ, не безъ нѣкотораго удовольствія и даже душевнаго облегченія, читаешь въ «Красной Новѣ» статью Горбова о беллетристикѣ «Современныхъ Записокъ». Въ ней чувствуется, что критикъ, неспособный спять съ глазъ марксистскія очки, сквозь нихъ, но добросовѣстно старается что то разглядѣть. Для Горбова Бунинъ не «какъ ни какъ», а просто «художникъ первой величины». Горбовъ понимаетъ, что писатели эмигранты творятъ въ неблагоприятныхъ условіяхъ и

имѣть мужество признать, что «многое здѣсь (въ «Современныхъ Запискахъ») не уступить «лучшему», что давали перечисленные художники, т. е. Бунинъ, Ремизовъ, Б. Зайцевъ, Шмелевъ, Мережковский, Гиппиусъ) въ пору своего расцвѣта и въ болѣе благоприятной для творчества обстановкѣ, чѣмъ та, въ которой онъ пишуть теперь. Правда, онъ утверждаетъ, что «подлинная красота, имѣющаяся на этихъ страницахъ, мертвенна», правда, онъ находитъ рядомъ съ «мертвой красотой» и «живучее безобразіе» (такъ называетъ онъ все, что политически направлено противъ большевизма). И все же въ его статьѣ есть нѣкоторое уваженіе къ творчеству политическихъ враговъ и усиліе быть беспристрастнымъ. Горбовъ даетъ подробный и своеобразно добросовѣстный разборъ послѣднихъ разсказовъ Бунина. Разборъ этотъ производится съ обязательной для критика коммуниста классовой точки зрѣнія. И вотъ Бунинъ оказывается «сердцѣдомъ своего класса». «Митина Любовь» — разсказомъ объ уходящей дворянской Россіи. Бѣдный Митя — «продуктомъ усадьбной культуры», въ его жилахъ «течетъ голубая кровь Тургеневскихъ героев». Онъ гибнетъ отъ «нервной обстановки современного капиталистическаго города, въ столкновеніи съ представительницей капиталистической городской буржуазіи — Катей». Въ этомъ переводѣ разсказа Бунина на марксистскій волапоукъ забыто много возможностей. Почему, напримеръ, самоубійство Мити не объяснено какъ послѣдствіе неудавшейся «смычки» съ крестьянст-

вомъ, или что — нибудь въ этомъ родѣ? «Усиленно публицистическій подходъ къ разбираемымъ произведеніямъ дѣлаетъ автора похожимъ на иныхъ наивныхъ зрителей въ народныхъ театрахъ, аплодирующихъ благородному герою и готовыхъ избить бѣднаго актера, играющаго роль злодѣя въ мелодрамѣ. Онъ погоняетъ негодованія на Алданова за то, что у него побѣждаетъ неаполитанская конгръ-революція, за то, что адмиралъ Нельсонъ вѣшалъ революціонеровъ. Да, исторія — наука реакціонная! Между тѣмъ страницы объ англійской «интервенціи» одитъ изъ немногихъ страницъ, гдѣ Алдановъ измѣняетъ своему скептицизму: онъ проникнутъ сдержаннымъ негодованіемъ, поскольку можетъ проявить свое чувство объективнаго художника. Но Горбову этого мало, ему хотѣлось бы, чтобы Алдановъ писалъ объ адмиралѣ Нельсонѣ такъ, какъ московскія газетныя передовицы пишуть о Черчиллѣ. Такіе же недовольные выпады дѣлаетъ Горбовъ и по поводу Мережковского и Зайцева! Онъ дѣлаетъ ихъ лично отвѣтственными и за Алексѣя Божія человека и за царя Ахнатона.

Выходъ настоящей книги журнала совпадаетъ съ двадцатипятилѣтнимъ юбилеемъ творчества Б. Зайцева. Мы не будемъ въ этой краткой замѣткѣ анализировать творчество писателя, за которымъ уже большой литературный путь.

25 лѣтъ тому назадъ стали появляться въ журналахъ коротенькіе очаровательные разсказы Зайцева. Они сразу поразили ухо лю-

блжшихъ литературу какимъ-то своимъ, чистымъ и яснымъ звукомъ. Когда появилась первая книга разсказовъ Зайцева, индивидуальность автора была уже передъ нами. Въ нихъ былъ уже весь Зайцевъ, съ ему одному свойственной пѣжностью, тихимъ религіознымъ благоговѣіемъ, съ которымъ онъ живетъ въ мірѣ и создаетъ свой міръ. Ибо у Зайцева, какъ у cadaго истиннаго художника, есть свой міръ. Въ этомъ мірѣ все особое, непохожее на другіе творческіе «міры», въ немъ особая природа и, кажется, даже особые законы механики и физики. В немъ чаще чѣмъ въ настоящемъ мірѣ (но что такое настоящий міръ?) сіяютъ закаты, въ немъ воздухъ прозрачнѣе и чище. Въ немъ слабѣе силы земного притяженія, и, поэтому, люди и предметы легче и безплотнѣе. Люди Зайцева живутъ словно не въ трехъ, а въ двухъ измѣреніяхъ, они далеки отъ толстовской рельефности. Его герои — легкіе чистые мечтатели, часто псушіе въ душѣ истинное религі-

озное благоговѣіе, какъ въ чудномъ разсказѣ — «Аграфена», истинну хоралѣ во славу божію. Иногда они — просто чудаки, мелкая богема, которую легко унести съ земли первый сильный вѣтеръ. Сила земного притяженія ослаблена, и люди легче возносятся къ небесамъ, чѣмъ падаютъ на землю. Въ зайцевскомъ мірѣ больше молодыхъ людей, чѣмъ въ реальномъ мірѣ, встречаются старики, возрастъ близкій къ смерти, къ безплотности, и въ немъ очень мало взрослыхъ пожилыхъ людей. Это міръ внѣклассовый, объединяющій безграмотную Аграфену съ швейцаромъ изъ «Маріетты» и баринкомъ Георгіемъ Александровичемъ.

Создатель этого міра — не забудется въ русской литературѣ. Онъ упорно, какъ истинный мастеръ, творилъ свой міръ. Онъ работалъ надъ красотой и чистотой своего языка и формы. Его творчество — большое культурное дѣло, прекрасная страница въ книгѣ русской литературы.

Мих. Цетлинъ.

Св. Францискъ Ассизскій и проблема Ренессанса *)

(1226 — 1926)

Францискъ умеръ 3 октября 1226 года. Такъ несомнѣнна и такъ очевидна была его святость,

*) Указанія на литературу даны лишь въ исключительныхъ случаяхъ: гл. обр., тамъ гдѣ имѣло мѣсто прямое заимствованіе, или когда дѣло идетъ о новѣйшихъ работахъ.

что Римская Церковь не стала отягивать, какъ того требовалъ благоразумный обычай, срока для его канонизаціи: уже въ 1228 г. она закрѣпила своимъ рѣшеніемъ общій приговоръ. Приуроченное къ канонизаціи первое житіе, писанное Томой Челаяскимъ, отражаетъ поэтому еще свѣжее впечатлѣніе, оставленное святымъ. Къ этому